

Р. А. БУДАГОВ

ОСНОВНОЙ СЛОВАРНЫЙ ФОНД РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ И ЗАДАЧИ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

1

Замечательное учение И. В. Сталина об основном словарном фонде и словарном составе языка, устанавливая общие научные принципы изучения лексики всякого языка, открывает вместе с тем широкие перспективы и для изучения лексики родственных языков в процессе ее исторического формирования и развития. Не подлежит никакому сомнению, что родственные языки, возникшие из одного языка-основы, имеют очень много общего в основном словарном фонде и грамматическом строе языка. Вместе с тем каждый из родственных языков отличается своими особенностями в использовании и развитии этих общих элементов основного словарного фонда и грамматического строя.

Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», критикуя мелкобуржуазного анархиста Штирнера, писали: «Но он, конечно, совершенно не знаком с науками, которые достигли больших успехов лишь благодаря сравнению и установлению различий в сфере сравнения и в которых сравнение приобретает общезначимый характер,— с такими науками, как сравнительная анатомия, ботаника, языковедение и т. д.»¹. Здесь дается не только оценка сравнительно-исторического метода в языкознании, но и подчеркивается важность изучения как сходных черт между родственными языками, так и различий внутри самих этих сходных явлений («установление различий в сфере сравнения»).

Для изучения черт сходства и черт различия между родственными языками романские языки представляют очень интересный материал, поскольку их язык-основа (латынь) хорошо известен и относительно хорошо документирован; поэтому исторические связи и различия между романскими языками и латынью, с одной стороны, и исторические связи и различия между отдельными романскими языками — с другой, могут быть тщательно и подробно прослежены. Разумеется, и здесь есть свои трудности: как известно, мы очень мало знаем о языках аборигенов, о языках, на которых говорили местные жители на территориях, впоследствии подвергнувшихся романизации. К тому же и памятники латинского языка дошли до нас далеко не в полном объеме, а наши сведения о живом разговорном латинском языке остаются все еще очень фрагментарными.

При изучении связей различий между родственными языками основной словарный фонд имеет не меньшее значение, чем грамматический строй языка. Это положение прямо вытекает из сталинского учения о том, что «грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 429.

основу языка, сущность его специфики»². Так как основа языка определяется не только его грамматическим строем, но и основным словарным фондом, то и при постановке более широкой проблемы в сравнительно-историческом плане следует в равной степени базироваться как на грамматическом строе языка, так и на его основном словарном фонде. Между тем в традиционном сравнительно-историческом языкознании выводы обычно строятся лишь на изучении фонетических и грамматических соответствий между родственными языками. Что же касается словаря, то он чаще всего относится к «нехарактерным», легко поддающимся влияниям элементам языка. А. Мейе, например, утверждал, что словарные соотношения между родственными языками так часто бывают неожиданными и случайными, что их не следует принимать во внимание при изучении родства языков³.

Лишь сталинское учение об основном словарном фонде и об его отличиях от словарного состава языка сразу же внесло полную ясность в вопрос о том, как и именно стороны лексики имеют наибольшее значение для основы языка, для сущности его специфики. Установление наиболее устойчивого и наиболее типичного ядра словарного состава, разграничение более устойчивых и более подвижных сторон лексики при сохранении постоянного взаимодействия между ними показало, что основной словарный фонд, вырабатывающийся на протяжении всего процесса исторического развития языка, вполне закономерно вместе с грамматическим строем составляет основу языка, сущность его специфики. Вот почему изучение основного словарного фонда родственных языков наряду с изучением грамматики и фонетики этих языков приобретает большое значение для самой проблемы родства языков, для вопроса о том, как следует понимать связи и различия между родственными языками.

Энгельс часто ссылался на показания лексики родственных языков, относящейся к основному словарному фонду, как на важный исторический источник. «Латинское *rex*, — писал Энгельс, — то же, что кельтско-ирландское *riġh* (старейшина племени) и готское *reiks*; что последнее слово, как первоначально и наше *Fürst* (то же самое, что по-английски — *first*, по-датски — *förste*, первый), означало, равным образом, старейшину рода или племени, явствует из того, что готы уже в IV веке имели особое слово для короля последующего времени, военачальника всего народа: *thiudans*»⁴.

Но если методика сравнения м о р ф е м родственных языков хорошо изучена, то методика сравнения с л о в как самостоятельных смысловых единиц языка по существу почти никем не разрабатывалась. Между тем нельзя не признать, что исследования в этой области являются очень важными для науки о языке⁵. Зарубежные исследователи романских язы-

² И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, Госполитиздат, 1952, стр. 26.

³ См. А. Meillet, *Linguistique historique et linguistique générale*, т. II, Париж, 1938, стр. 45—46. В более ранних своих работах Мейе склонен был думать, что лексические соотношения имеют значение лишь при изучении «мало развитых языков». В развитых же языках, по мнению Мейе, лексика слишком легко заимствуется, а поэтому становится нехарактерной для специфики языка (см. его же, указ. соч., т. I, Париж, 1926, стр. 95).

⁴ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, Госполитиздат, 1949, стр. 131—132.

⁵ До выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» автор этих строк переоценивал роль семантики в системе языка и в некоторых своих работах неправильно подходил к лексическим явлениям языка, как «фактам классовой идеологии». В статье автора «Задачи изучения лексики» («Доклады и сообщения Филологического ин-та Ленингр. ун-та», вып. 1, 1949, стр. 103—123) семантика слова неправильно отождествлялась с понятием и смешивалась с идеологией. Самокритические выступления автора см. в «Вестнике Ленингр. ун-та», 1950, № 7, стр. 7 и в «Известиях АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1952, № 1, стр. 95.

ков, изучая родство этих языков, обычно лишь очень бегло отмечают лексические связи и различия между романскими языками. Так, В. Вартбург в одной из своих последних итоговых работ, посвященных проблеме «расчленения романских языковых пространств»⁶, основывается лишь на данных фонетики и, отчасти, морфологии и совсем ничего не говорит о словарных связях и различиях между романскими языками. Все еще очень мало изучены лексические особенности вульгарной латыни⁷. Поэтому советский лингвист-романист М. В. Сергиевский был прав, когда отмечал актуальность изучения лексических особенностей вульгарной латыни в их взаимодействии с лексическими особенностями романских языков⁸. Но, к сожалению, и сам М. В. Сергиевский ограничился лишь наблюдениями фонетического и морфологического характера.

При исследовании основного словарного фонда романских языков возникает целый ряд общих вопросов. Как выявить связь формирования основного словарного фонда романских языков с историей народов — творцов и носителей этих языков; в каком отношении слова этого фонда находятся к словам основного словарного фонда латинского языка; как следует понимать преемственность между ними; какие латинские слова основного фонда сохранились во всех романских языках и какие из них характеризуют лишь отдельные группы этих языков или даже только отдельные романские языки; как протекало дальнейшее развитие сохранившихся латинских слов в романских языках; в какие лексические пласты проникали иностранные заимствования в первую очередь?

Старая романистика в лице Ф. Дица и его последователей изображала лексическую преемственность между романскими языками несколько прямолинейно и односторонне. В специальном дополнении к своей «Грамматике романских языков» Диц стремился установить те лексические группы и пласты латинских слов, которые оказались наиболее устойчивыми в романских языках. Диц выделял такие тематические группы, как «названия божеств», «названия различных явлений природы», «названия времен года и дней недели», «человека и его тела», «человека и его души», «названия родства», «различные наименования растительного и животного мира», «земледельческие и мореходные слова» и некоторые другие. Указав на соответствующее латинское слово, принадлежащее к одному из этих «разрядов», Диц констатировал затем, в каких романских языках оно сохранилось, в каких не сохранилось и в каких случаях оказывалось замененным новыми образованиями⁹. У читателей этой работы Дица создавалось впечатление, что лексика романских языков — это в основном та же латинская лексика, лишь в слегка преобразованном виде. Диц даже не поставил вопроса о том, как исторически следует понимать эти соотношения и связи, как развивают и изменяют романские языки латинскую лексику, какие из романских языков в большей степени продолжают латинскую традицию и какие из них несколько отклоняются от этой традиции в сторону. Поэтому ученица Дица К. Михаэлис была права, когда в работе,

⁶ W. Wartburg, Die Ausgliederung der romanischen Sprachräume, Берн, 1950.

⁷ Термины «вульгарная латынь» и «классическая латынь» употребляются нами как условные термины: под первым термином здесь понимается латынь позднего периода (поздней Римской империи) и вместе с тем латынь разговорная, неписьменная; под вторым термином — латынь римских писателей эпохи расцвета латинской литературы (I в. до н. э. — конец I в. н. э.).

⁸ См. М. В. Сергиевский, Проблема диалектальности вульгарной латыни в свете данных романского языкознания, «Вестник Моск. ун-та», 1946, № 1, стр. 28.

⁹ F. Diez, Grammatik der romanischen Sprachen, Anhang: Romanische Wortschöpfung, Бонн, 1875.

вышедшей уже через год после исследования Дипа, писала, что преемственность между романскими языками и латынью не должна заслонять собою черт самостоятельности романских языков и что каждый романский язык имеет свои лексические особенности¹⁰.

Только в конце XIX и в начале XX в. представители лингвистической географии стали говорить о том, насколько важно учитывать диалектальные разновидности самой латыни для того, чтобы разобраться в проблеме лексических схождения и расхождений романских языков. Однако впоследствии сторонники принципов Жильерона, всячески акцентируя диалектальные расхождения внутри латыни, взяли под сомнение самый тезис о единстве происхождения всех романских языков из одного языка-основы¹¹. Между тем, как ни глубоки были диалектальные расхождения вульгарной латыни, эти расхождения не дают оснований не видеть общего источника для лексики всех романских языков. Этим источником является прежде всего латинский язык на всем протяжении его исторического развития. Отмечая роль диалектов в эпоху господства племен и народностей, И. В. Сталин подчеркивает, что над этими диалектами «...превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности»¹².

2

Латинская лексика в романских языках может рассматриваться с разных точек зрения. Но для того, чтобы правильно разобраться в этом соотношении, необходимо учитывать, насколько это возможно, движение и развитие словарного состава в самом латинском языке на протяжении всего периода его исторического существования. Многие латинские слова оказались очень устойчивыми и сохранились почти без всяких изменений в поздней латыни. Таковы, например: *mater* «мать», *filius* «сын», *manus* «рука», *aqua* «вода», *terra* «земля», *vita* «жизнь», *arbor* «дерево» и многие другие. Известная часть слов претерпела в живом народном произношении некоторые фонетические изменения, определившиеся общими звуковыми закономерностями. Другие слова подверглись грамматическим трансформациям и перешли из одного типа склонения или спряжения в другие типы склонения и спряжения (в связи с общими изменениями в системе склонения и спряжения).

Большой интерес с точки зрения последующей истории латинских слов в романских языках представляют случаи, которые дают возможность проследить, как одни слова вытесняли другие в ходе развития самого латинского языка. Здесь возникает много интересных вопросов. Приведем сначала несколько примеров.

Латинское слово *ignis* «огонь», известное и некоторым другим индоевропейским языкам (ст.-индийск. *agnī-h*, лит. *ugnīs*, ст.-болг. *ognъ*), в поздней латыни стало вытесняться другим латинским словом *focus*, которое первоначально имело значение «домашнего очага», а затем и более широкий смысл «жара», «пламени», «огня». В результате этого вытеснения с IV в. н. э. *focus* приобретает общее значение «огня». Романские языки почти не сохранили никаких следов *ignis* (исключение ст.-рум. слово *miață* «лихоградка» из **ignitia*), но зато широко развили слово *focus*, которое и удержало значение «огня» (итал. *fuoco*, исп. *fuego*, португ. *fogo*, рум. *foc*, франц. *feu*).

Анализ такого рода материала сразу же ставит перед исследователем

¹⁰ C. Michaelis, Studien zur romanischen Wortschöpfung, Лейпциг, 1876, стр. VII.

¹¹ См., например, Н. Meier, Über das Verhältnis der romanischen Sprachen zum Lateinischen, «Romanische Forschungen», т. 54, 1940, стр. 181.

¹² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 13.

ряд важных проблем: в каком соотношении находились между собой *ignis* и *focus* в разные эпохи существования латинского языка и в разных стилях речи? Почему победителем оказалось слово *focus*? В каком направлении шло изменение его значения? В какой степени романские языки сохранили старое («очаг») и новое («огонь») значения слова *focus*? Какое дальнейшее смысловое развитие получило это слово в романских языках? Вот далеко не полный перечень вопросов, возникающих уже при изучении предварительного материала. Оставляя значительную часть этих вопросов пока без ответов, обратим внимание только на некоторые стороны данного факта.

Нельзя не заметить, что движение значения *focus* от более специального «домашнего очага», «домашнего огня» к более общему значению «огня» могло быть вызвано рядом причин: связью *focus* с глаголом *fovere* «греть», «согревать», а также утратой синонима *ignis*. Следовательно, если мы ограничимся лишь некоторым кругом вопросов и не будем спрашивать, почему в свою очередь не сохранилось *ignis* (примем это положение за совершившийся факт), то легко понять, почему вытеснение *ignis* отразилось тем самым на семантике *focus*, придав этому слову то общее значение, которое когда-то имело само слово *ignis* («огонь» по отношению к «домашнему очагу», «домашнему огню» — понятие более общее). Однако старое значение *focus* — «очаг» оказалось также в известной степени устойчивым, хотя и передвинулось теперь на задний план. Вот почему и в романских языках, где слова *fuoco*, *fuego*, *fogo*, *foc*, *feu* имеют прежде всего значение «огня», кое-где в определенных контекстах они все еще сохраняют и значение «очага» (например, португ. *fogo*, франц. *feu* в выражении *on compte trois cents feux dans ce village* «в этой деревне триста дворов», т. е. «очагов», «домов»).

Но в романских языках не только переместились два основных значения *focus*: «очаг» и «огонь». Само выдвижение более общего значения — «огня» — произошло уже в поздней латыни. Романские языки лишь подтверждают это семантическое развитие слова. Вместе с тем в системе отдельных романских языков на основе этого более широкого значения слова развиваются новые смыслы и новые оттенки этого же слова. Испанское *fuego* — это не только «огонь» и «очаг» («дым»), но и «пыл», «живость». Португальское *fogo* развивает — наряду с этими же значениями — дополнительное значение «лихорадочное состояние», а румынский язык — дополнительное значение «горе», «беда» (через ступень «пожар»). Если эта последняя ступень — «пожар» — известна многим романским языкам (испанскому, португальскому, французскому), то последующая ступень — «горе», «беда» — отмечается только в восточно-романских языках (в румынском и молдавском). Во французском языке легко развиваются переносные значения «пожара»: «пожар в душе», «страсть», «темперамент» (*le feu de la jeunesse* «темперамент молодости»). У Расина во фразе *Brûlé de plus de feux que je n'en allumai* (*Andromaque*, I, sc. 4), буквально: «сожженный большим количеством огней, чем я зажег», слово *feu* как бы сразу выступает в двух значениях — в значении «пожара» (намек на «пожар Трои») и в значении «страсти» (намек на «страсть Ореста»).

Когда обычно указывают, что романские слова *fuoco*, *fuego*, *fogo*, *foc*, *feu* продолжают латинское *focus* в значении «огня», то картину воссоздают очень неполную, а поэтому и неточную. Романские языки не только сохраняют латинское *focus*, но и развивают его дальше, прибавляя к этому слову новые оттенки значений и создавая новую группировку значений внутри этого многозначного слова. При этом мы обнаруживаем здесь как то, что объединяет все романские языки с латынью, что объединяет их между собой, так и то, что составляет с п е ц и ф и к у каждого романского языка в отдельности. Основное значение *focus*

«огонь» является общим для всех романских языков, однако соотношение между этим значением и значениями «домашний очаг», «жар», «страсть», «пожар», «несчастье» и т. д. в разных языках оказывается различным. Вместе с тем и старое значение латинского *focus* «домашний очаг» вовсе не бесследно исчезает в романских языках, а лишь передвигается на задний план и выступает в одних романских языках чаще, а в других — совсем редко.

Следовательно, для того чтобы разобраться в проблеме развития латинского слова *focus* в романских языках, необходимо учитывать как движение этого слова в самом латинском языке, так и его движение в отдельных романских языках. Слово *focus* оказывается и устойчивым, и подвижным одновременно. Оно устойчиво, так как сохраняется в романских языках, но сохраняется по преимуществу в более позднем значении. Но оно и изменчиво, так как вперед выдвигаются новые значения слова и происходят изменения внутренней группировки старых значений. Эти трансформации очень существенны: они дают возможность проследить как то, что связывает романские языки с латинским в области основного словарного фонда, так и то, что отличает их от латинского языка, что составляет их собственную специфику. Вместе с тем эти же материалы позволяют подчеркнуть не только единство романских значений (*focus* — «огонь»), но и своеобразие каждого романского языка в отдельности в развитии различных значений интересующего нас слова.

Исследователи романской лексики очень часто связывают ее лишь с позднелатинской лексикой, не учитывая развития латинских слов на протяжении длительного периода их существования в самом латинском языке. Между тем для более глубокого понимания связей и различий в основном словарном фонде латинского и романских языков необходимо более полно учитывать развитие этого фонда уже в латинском языке.

Слово *paganus* как существительное имело в классическом латинском языке два основных значения: 1) «крестьянин», «сельский житель», «житель вообще» и 2) «невоенный человек» (в противоположность «солдату» — *castrensis*). В языке первых христиан слово *paganus* приобретает значение «нехристианский». По предположению Ж. Цайллера¹³, изменение значения было вызвано тем, что *pagi* «деревни» больше всего сопротивлялись христианскому воздействию. По другой гипотезе нужно исходить из противопоставления, возникшего в раннехристианскую эпоху: *miles Christi* «солдат», «защитник Христа»; кто же не был защитником Христа, тот был *paganus*¹⁴. Но как бы то ни было, старое значение *paganus* «крестьянин» отчасти сохраняется и в некоторых романских языках: испанское *pagano* «крестьянин», а в староитальянском и сардском языках *bakan* «мелкий собственник». Но в большей части романских языков развивается второе значение: итал. *pagano* «язычник», франц. *païen*, рум. *păgân*, молдавск. *păgîn* в том же значении «язычника».

Таким образом, если рассматривать романские значения слова *paganus* только в связи с позднелатинским значением «нехристианский», то нельзя понять всего многообразия смыслов этого слова в романских языках. Если же, напротив того, проанализировать эти значения в разных романских языках на фоне всех значений данного слова — не только поздних, но и ранних — в самом латинском языке и в связи с историей народов, носителей этих языков, то картина обрисовывается значительно яснее. Вместе с тем в результате дифференциации значений *paganus*

¹³ J. Zeiller, *Paganus, étude de terminologie historique*, Париж, 1917, стр. 5.

¹⁴ H. Rheinfelder, *Kultsprache und Profansprache in den romanischen Ländern*, Флоренция, 1933, стр. 132.

в романских языках возникнет и много новых вопросов (в одних случаях развиваются одни оттенки, а в других — другие).

Когда латинское слово классического языка оттесняется словом языка разговорного, исследователи, анализируя романские образования, совсем не говорят об этом оттесненном слове. В действительности в большинстве случаев так поступать нельзя. Сам основной словарный фонд латинского языка в его преломлении в языках романских должен рассматриваться в историческом движении. Другими словами, латинские основы романских слов — категория динамичная, а не статическая. Латинское слово *caput* «голова» еще в позднем латинском языке широко заменялось более экспрессивным латинским же словом *testa* «глиняный горшок». Слово *testa* в этом своем значении до сих пор сохранилось в некоторых итальянских диалектах, в частности в неаполитанском, где оно означает «вазу для цветов». Вместе с тем в романских языках находят свое отражение и *caput*, и *testa*. В румынском и каталанском «голова» — *cap*, в Южной Италии — *capa*, в испанском и португальском языках известно слово того же корня с суффиксом *-itia* (исп. *cabeza*, португ. *cabeça*). Французский же язык, как и литературный итальянский язык, развивает *testa* (франц. *tête*, итал. *testa*). Это же слово *testa* — и в испанском языке. Следовательно, хотя в истории латинского языка и намечалась линия перехода *caput* > *testa*¹⁵, однако в разных романских языках отражается и *caput*, и *testa*. Если посмотреть на распространение этих двух слов в итальянских диалектах, то можно обнаружить своеобразную чересполосицу: зоны *caput* чередуются с зонами *testa*¹⁶.

Здесь возникают некоторые общие вопросы. Связи основного словарного фонда романских языков с основным словарным фондом языка латинского в ряде случаев оказываются исторически разноплановыми. В одних случаях от романских слов нити тянутся к более древнему латинскому слову *caput*, в других — к более позднему *testa*, которое само когда-то пришло на смену слову более раннему (*testa* как бы заняло место *caput*). Но в тех случаях, в которых в самом латинском языке совершилась замена (в данном примере *testa* вытеснило *caput*), романские языки, сохраняющие исторические связи с латинским языком самых различных исторических периодов, могут отражать как более позднее, так и более раннее латинское слово. Поэтому обычное представление о том, что там, где в самом латинском языке совершился переход типа *caput* > *testa*, исследователь-романист должен проследить лишь судьбу последнего слова в романских языках, и исторически, и фактически неправильно. Исторически — потому, что в разные романские страны попадала латынь разных исторических периодов. Фактически — и это следствие первой предпосылки — потому, что романские языки сохраняют не только более поздние латинские значения (*testa*), но и более ранние (*caput*).

Отражение *caput* — *testa* в романских языках имеет, однако, и другую сторону. *Caput* и *testa* распределяются не только между разными романскими языками, но в некоторых случаях слова эти образуют определенный синонимический ряд внутри отдельных романских языков. В испанском обычное обозначение «головы» *cabeza*, тогда как *testa* скорее осмысливается переносно («лоб», «разум»). Более четко дифференцированы *tête* и *chef* (*caput*) в современном французском языке. *La tête* — это прежде всего «голова человека», а в фигуральном значении слово это употребляется обычно только по отношению к неодушевленным понятиям: *la tête d'un canal* «голова, т. е. начало канала», тогда как переносное значение

¹⁵ См. E. L ö f s t e d t, *Syntactica*, т. 2, 1933, стр. 352.

¹⁶ См. карту распространения *testa* — *caput* у Migliorini (*Linguistica*, 1946, стр. 60—61).

по отношению к людям выражается при помощи слова *chef*: *le chef d'une entreprise* «глава предприятия», *le chef de l'armée* «командующий армией», «глава армии».

Эта дифференциация *tête — chef* установилась в истории французского языка не сразу. В старофранцузском *chief* означало то же, что и *teste*. Так, в «Песне о Роланде» (стих 214): *li emperere en tint son chief embrunc*, буквально: «император держит свою голову наклоненной». И вплоть до XVII в. включительно слово *chef* еще могло означать «голову». (См. у Мольера: *par mon chef*, «клянусь моей головой», *Etourdi*, I, 5.) Но постепенно уже с конца средних веков намечается дифференциация *tête — chef*, завершившаяся лишь к XVIII в. В тех романских языках, в которых сохранились и латинское *testa*, и латинское *caput*, борьба между этими двумя синонимами либо приводила к оттеснению одного из синонимов, либо к установлению смысловой дифференциации между ними, что не могло не способствовать закреплению как одного, так и другого синонима.

Распределение слов *caput* и *testa* в романских языках ставит перед исследователем не только проблему размежевания латинских слов между романскими языками, но и проблему смысловой группировки этих слов внутри тех отдельных романских языков, которые сохранили оба латинских слова. Своеобразная проблема «семантических сфер» здесь имеет сразу два аспекта — межязыковой и внутриязыковой. Слова латинского основного словарного фонда не просто переключиваются в романские языки, как это обычно изображается, но и сами развиваются в системе этих языков.

Известно, что латинское *equus* «конь, лошадь» было вытеснено галло-латинским словом *caballus*, которое первоначально употреблялось в уничижительном значении «мерина». Уже Варрон ощущал этот несколько фамильярный характер слова *caballus*. Но впоследствии слово *caballus* расширило свое значение, стало означать «конь, лошадь» и вытеснило из употребления *equus*. В результате в романских языках в значении «лошадь» выступает прежде всего галло-латинское слово *caballus* (итал. *cavallo*, исп. *caballo*, франц. *cheval*, рум. и молд. *cal*). Казалось бы, никакого значения для дальнейшего развития романских слов, означающих «лошадь», не имеет старое латинское слово *equus*. И оно всегда изображается именно так, как бесследно исчезнувшее.

В действительности процесс языкового развития представляется значительно сложнее: борьба нового со старым в языке предполагает не простое механическое оттеснение старого и столь же простое механическое продвижение нового, а подлинную борьбу нового со старым, во время которой новое и оттесняет старое, и использует его одновременно для дальнейшего развития самого нового. Не говоря уже о том, что старое латинское слово *equus* может жить в романских языках во всевозможных так называемых «ученых» образованиях (ср., например, франц. *une statue équestre* — конная статуя), это слово важно для романских языков и в совсем другом отношении. Если *equus* не получило развития в романских языках, то форма женского рода этого слова *equa* «кобыла» частично сохранилась в романских языках (рум. *iapă*, сардск. *ebba*, каталанск. *egua*, португ. *egua*, ст.-франц. *ive*, *ieve*, ст.-прованс. *ega* все в том же значении «кобыла»). Но для того чтобы разобраться в значении этого слова, бытующего в романских языках, необходимо разобраться и в отношении между *equa* и *equus*. Другими словами, *equus* получает косвенное отражение (через форму *equa*) в романских языках. Так как слова в языке живут не изолированно, а находятся в разнообразных словообразовательных, грамматических и семантических связях между собой, то учет этих связей оказывается совершенно необходимым для понимания

взаимодействия латинского основного словарного фонда с основным словарным фондом романских языков.

Нельзя сказать, хотя так обычно утверждается, что для истории слов *equus* — *caballus* в романских языках важен только второй элемент в этом соотношении. При учете всех исторических и лингвистических связей между словами оказываются важными оба эти компонента, хотя каждый из них важен по-своему и каждый из них важен для разных целей, для понимания разных отношений между словами, образующими в языке сложную систему взаимозависимых форм и значений. Разумеется, в тех современных романских языках, в которых сохранилось латинское *equa*, это слово является совершенно самостоятельным образованием по отношению к *caballus* (ср., например, в португальском *cavalo* — «лошадь», но *equa* — «кобыла»), но в той мере, в какой само слово *equa* некогда воспринималось в латинском языке как форма женского рода от слова *equus*, а это последнее входило в синонимический ряд *equus* — *caballus*, мы можем говорить об историческом взаимодействии всех этих трех слов, хотя в некоторых романских языках, сохранивших различие между *equa* и *caballus*, сами эти слова уже не образуют между собой синонимического ряда: утрата слова *equus* свела на нет латинское стилистическое и синонимическое соотношение между *equus* и *caballus*.

Для того чтобы правильнее разобраться во всех исторических и лингвистических типах связей между основным словарным фондом латинского языка и основным словарным фондом языков романских, нужно рассматривать каждое слово как часть более обширного лексического целого, нужно анализировать каждое слово в его этимологических и словообразовательных связях с другими словами языка.

3

При исследовании основного словарного фонда латинского языка в его развитии в языках романских очень существенной оказывается и другая проблема — проблема неравномерного и специфического распределения латинских слов в романских языках. В романистике самый факт подобной неравномерности отмечался неоднократно. Наряду с латинскими словами основного словарного фонда и словарного состава, получившими развитие во всех романских языках, мы встречаемся с очень многочисленными «пластами» слов и отдельными словами, отражающимися лишь в отдельных группах романских языков или даже только в отдельных романских языках. По подсчетам М. В. Сергиевского — впрочем, очень суммарным и предварительным — из 6700 исконных латинских слов, приводимых в этимологическом словаре Майер-Любке, только 1300 слов сохранилось во всех без исключения романских языках, 3900 оказываются общими для ряда романских языков и 1500 слов свойственны только отдельным романским языкам¹⁷. Другими словами, индивидуальные лексические расхождения между разными романскими языками очень существенны; хотя 5200 слов из 6700 повторяется в большей части романских языков, однако повторяются они так, что в одних случаях охватывают вместе галло-романские и рето-романские языки, в других — галло-романские и иберо-романские, но отделяются от рето-романских; часто в самих галло-романских или иберо-романских языках намечается раскол и т. д. Соотношения оказываются здесь самыми различными.

¹⁷ См. М. В. Сергиевский, указ. соч., стр. 32.

Для того чтобы представить характер этих расхождений, приведем только одну небольшую таблицу¹⁸:

	Итальянский	Французский	Испанский
Двоюродный брат	<i>cugino</i>	<i>cousin</i>	<i>primo</i>
Брат	<i>fratello</i>	<i>frère</i>	<i>hermano</i>
Племянник	<i>nipote</i>	<i>neveu</i>	<i>sobriño</i>
Вечер	<i>sera</i>	<i>soir</i>	<i>tarde</i>
Кровать	<i>leito</i>	<i>lit</i>	<i>cama</i>
Собака	<i>cane</i>	<i>chien</i>	<i>perro</i>
Масло	<i>burro</i>	<i>beurre</i>	<i>mantequilla</i>
Брать	<i>prendere</i>	<i>prendre</i>	<i>tomar</i>
Хотеть	<i>volere</i>	<i>vouloir</i>	<i>querer</i>
Есть	<i>mangiare</i>	<i>manger</i>	<i>comer</i>

Слова эти в итальянском и французском языках — одного происхождения, тогда как испанский язык образует отклонения. Соответственно можно составить и другие таблицы, которые будут показывать расхождения между итальянским и французским и объединение французского с испанским, точно так же, как и таблицы, иллюстрирующие связи испанского и румынского и их отличия от французского или итальянского, и т. д. и т. п. Во всем этом многообразии есть, однако, и свои закономерности. В иберо-романских языках (испанском, каталанском, португальском, галлисийском), например, совсем не случайно сохранилось большое количество классических латинских слов, не удержавшихся в других романских языках: *avis* «птица» (исп. и португ. *ave*), *sensus* «разум» (исп. *seso*, португ. *siso*), *metus* «страх» (исп. *miedo*, португ. *medo*), *comedere* «есть» (исп. и португ. *comer*), *securis* «топор» (исп. *segur*) и многие другие. И это понятно, так как Пиренейский полуостров был романизован раньше, чем Галлия, Реция и Дакия. В результате в иберо-романских языках встречаются слова, которых не оказывается в романских языках, возникших исторически позднее. Но и внутри иберо-романской лексики намечаются существенные различия. Так, например, «ребенок», «собака», «колено», «окно», «улица», «шляпа», «нож», «фитиль» по-испански *niño*, *perro*, *rodilla*, *ventana*, *calle*, *sombrero*, *cuchillo*, *pajuela*, а по-португальски иначе: *criança* (*menino*), *cão*, *joelha*, *janella* (теперь *janela*), *rua*, *chapéu*, (теперь *chapéu*), *faca*, *mecha*¹⁹.

Но если предпосылки, определившие дифференциацию латинской лексики по разным областям и разным романским языкам, представляются сейчас в самых общих чертах все же достаточно ясными (период и характер романизации, своеобразие взаимоотношений с местными языками аборигенов, устойчивость латинской традиции, своеобразие иноземных воздействий и т. д.), то конкретные причины сохранения или вытеснения тех или иных латинских слов в тех или иных романских языках обычно освещаются все еще совершенно недостаточно. Больше того, многие исследователи даже склонны утверждать, что «причины, побудившие оказывать предпочтение тем или иным словам перед другими, нам неизвестны»²⁰. Поэтому нельзя не подчеркнуть, что установление этих причин для тех или иных групп и «пластов» слов является важной задачей романского языкознания.

Задача эта, однако, очень нелегка, и трудности, стоящие на этом пути перед лингвистом, действительно, все еще очень велики. Дело в том что

¹⁸ См. J. J u d, Problèmes de géographie linguistique romane, «Revue de linguistique romane», I, 1925, стр. 181—182.

¹⁹ См. Э. Б у р с с е, Основы романского языкознания, М., Изд-во иностр. лит-ры, 1952 [русс. перевод], стр. 355.

²⁰ Там же, стр. 51.

наше знание латинской лексики в ее историческом развитии в романских языках остается все еще очень неполным. Приведем здесь только один пример. Сравнительно еще совсем недавно считали, что латинское *alveare* «пчелиный улей» находит отражение только в румынском слове *albină* «пчела»²¹. Однако в самое последнее время итальянские диалектологи обнаружили это латинское слово в том же значении «пчелиного улья» в центральных рето-романских диалектах²². Между тем для того, чтобы воссоздать подлинную реальную картину лексических соответствий и лексической дифференциации латинских слов в романских языках, наше знание материала должно быть максимально полным. И все же проблема лексической дифференциации латинских слов в романских языках может и должна ставиться уже и при современном нашем знании романской лексики.

4

Присмотримся, однако, поближе к проблеме, которая здесь условно названа проблемой «семантических и лексических сфер» в родственных языках. В латинском литературном языке глагол *edēre* означал «есть», «поглощать». Но в определенных жанрах речи, первоначально в комических и сатирических произведениях римских авторов, стал употребляться другой глагол — *manducare*. Начиная с республиканской эпохи глагол этот проник и в литературный язык. Возникла своеобразная борьба между двумя глаголами. В результате этой борьбы глагол *edere* был оттеснен на задний план и все чаще стал употребляться глагол *manducare*. Причины, вызвавшие оттеснение глагола *edere*, были, повидимому, очень многообразны. Известное значение, в частности, имел тот факт, что отдельные формы глагола *edere* совпадали при спряжении с отдельными формами другого глагола — *esse* «быть». В результате этого омонимического столкновения глагол *edere* мог несколько отступить под напором чаще употреблявшихся форм глагола *esse*. Во всяком случае, у говорящих возникло стремление своеобразно «укрепить» глагол *edere*. Так образовалась форма *comedere*. Именно эта «усиленная» форма и живет в современных иберо-романских языках — в испанском и португальском глаголе *comer*. Вместе с тем другой латинский глагол — *manducare* послужил основой для образования староитальянского глагола *manducare*, новоитальянского глагола *mangiare*, французского глагола *manger*, румынского и молдавского глагола *mânca*.

Таким образом, и в этом случае мы не можем сказать, что лексическая линия развития была прямой и односторонней. Вытеснение *edere* и распространение *manducare* не привело к тому, что в романских языках отразилось только более позднее *manducare*. Борьба *manducare* с *edere* своеобразно преломилась и в романских языках. Эта борьба заставила *edere* сопротивляться, а сопротивление вызвало к жизни новую, как бы усиленную форму — *comedere*. Эта «усиленная» форма, как было отмечено, и сохранилась в части романских языков в виде глагола *comer*. Глагол же победитель нашел себе более широкое поле распространения: он живет как в западных, так и в восточных романских языках. Лексически е с ф е р ы р а з г р а н и ч и л и с ь: часть романских языков сохранила *comedere*, другая же, и притом большая, стала развивать *manducare*.

Ставя вопрос о сохранении или несохранении тех или иных латинских слов основного словарного фонда в романских языках, следует иметь в

²¹ См. W. Meyer-Lübke, *Romanisches Etymologisches Wörterbuch*, Гайдельберг, 1935, № 393.

²² C. Tagliavini, *Le origini delle lingue neolatine*, Болонья, 1949, стр. 140.

виду, что сами эти слова всегда существуют в определенной лексической системе. Присмотримся к следующей таблице²³:

	Существо женского пола	Женщина	Жена	обращение к женщине
Литературный лат. язык	<i>femina</i>	<i>mulier</i>	<i>uxor</i>	
Латынь V в. н. э.	<i>femina</i> <i>femella</i>	<i>mulier</i>	<i>uxor</i>	<i>domina</i>
Ст.-франц. язык	<i>femelle</i>	→ <i>femme</i>	→ <i>oissor</i> <i>moillier</i>	<i>dame</i>
Новофранц. язык	<i>femelle</i>	<i>femme</i>		<i>(ma)dame</i>
Итал. язык	<i>femmina</i>	<i>donna</i>	<i>moglie</i>	<i>signora</i>
Исп. язык	<i>hembra</i>	<i>mujer</i>	<i>mujer</i> (ст.- исп. <i>uxor</i>)	<i>señora</i>
Португ. язык	<i>femea</i>	<i>mulher</i>		<i>senhora</i>

Стоило только в поздней латыни появиться слову *femella* (производное от *femina*) и приобрести значение «существо женского пола», как тем самым *femina* в старом своем значении стало ненужным. Чем более в первой группе укреплялось *femella*, тем более «освобождалось» слово *femina*. Это дало возможность слову *femina* устремиться во вторую группу и приобрести тем самым значение «женщина». В свою очередь новое значение *femina* вступило во взаимодействие со словом *mulier*. Встав в одну линию с *mulier* (исп. *mujer*), *femina* сохранилось в этом новом своем значении в ряде романских языков. Но *mujer* не отступило перед *femina*, как некогда само слово *femina* в его старом значении («существо женского пола») отступило перед *femella*. В результате — распределение лексических сфер: *mujer* в значении «женщина» живет в одних романских языках, а *femina* — в других.

Вторая и третья группы в романских языках значительно сблизились, так как в средние века понятие «жена» часто выражалось через понятие «моя женщина», т. е. «моя жена». См., например: *lur meres et lur femmes* «их матери и их женщины», т. е. их жены²⁴. Но романские языки не только сузили, но вместе с тем и расширили интересующий нас синонимический ряд. Пополнилась четвертая группа («обращение к женщине»), которая, впрочем, по сравнению с первыми тремя группами не имеет такого широкого распространения.

Таким образом, появление слова *femella* рядом со словом *femina* не только изменило соотношение между этими двумя словами, но отразилось и на всем синонимическом ряде слов, вызвав сближение одних слов и появ-

²³ Cp. W. Wartburg, Einführung in Problematik und Methodik der Sprachwissenschaft, Галле, 1943, стр. 107.

²⁴ «Песнь о Роланде», стих 1402.

ление других. Можно предположить, что чем больше сближались между собой слова второй и третьей группы («женщина» и «жена»), тем большая необходимость появлялась в особых словах для о б р а щ е н и я к ж е н щ и н е, так как в романских языках само слово «женщина» (*femme, mujer*) стало очень часто означать «жена». Слова основного словарного фонда латинского языка не механически перешли в основной словарный фонд романских языков, а продолжали в нем непрерывно развиваться.

При разграничении лексических и семантических сфер латинских слов в романских языках необходимо с одинаковой тщательностью анализировать как структуру самих слов, так и их смысловое наполнение. Между тем это очевидное условие далеко не всегда соблюдается исследователями. В этимологическом словаре романских языков Майер-Любке (1935) указывается, что латинский глагол *ferire* «бить», «ударять» послужил источником для французского *ferir*, провансальского *ferir*, испанского *herir*, португальского *ferir*. В действительности только во французском и провансальском языках этот глагол сохранил латинское значение «бить», тогда как в итальянском, в каталанском и в некоторых других романских языках этот глагол получил значение «ранить». Следовательно, нельзя в одну шеренгу выстраивать все романские соответствия латинскому глаголу *ferire*. В одних случаях это действительно п р я м ы е соответствия, в других — соответствия, определившие вместе с тем дальнейшее семантическое р а з в и т и е глагола. Следовательно, если в случае с *femina* — *mulier* было обнаружено распределение р а з н ы х с л о в по разным романским языкам, то в случае с глаголом *ferire* обнаруживается распределение не разных слов, а р а з н ы х з н а ч е н и й одного и того же слова по разным романским языкам.

Другой вопрос, почему в галло-романских языках старое значение глагола *ferire* оказалось более устойчивым. Возможно, при этом, как предполагают некоторые диалектологи, сыграл известную роль тот факт, что для понятия «ранить» в галло-романских языках стали употреблять заимствованные слова *blessar* и *navrer*. В этом случае направление семантического развития глагола *ferire* могло быть подсказано его местом среди других синонимов этого ряда. А так как место это в разных романских языках было различным, то и дальнейшее смысловое развитие глагола *ferire* в разных романских языках также оказалось различным.

Своеобразие развития основного словарного фонда, общего в родственных языках, в том или ином отдельном языке может определяться культурно-историческими факторами. Латинский глагол *ligare* «связывать» сохранился в том же значении в итальянском *legare*, испанском *liar*, французском *lier*. Но в румынском и молдавском языках этот глагол получил несколько иное развитие: не только *lega* «связывать», но и *legăna* «привязывать» — производное образование от *lega*. В свою очередь глагол *legăna* (лат.* *liginare*) отошел в своем движении от значения «связывать», получив новое осмысление «качать». От этого нового значения образовалось и существительное *leagăn* «колыбель». Чтобы понять, как могло возникнуть такое, кажущееся на первых порах несколько неожиданным, смысловое развитие, необходимо обратиться к истории соответствующих реалий. В старой Валахии, как и в старой Молдавии, люльки действительно «подвешивались» — привязывались к особому бревну в крестьянских избах. Глагол «привязывать» стал ассоциироваться с понятиями «качать», «убаюкивать», а от этого нового значения образовалось и имя существительное «колыбель, люлька» (*leagăn*). В других романских языках глагол *ligare* «связывать» не получил развития в этом направлении. Так условия быта народа предопределили отклонения от общей смысловой линии развития слова.

При исследовании характера лексических расхождений между разными

романскими языками следует самым тщательным образом учитывать разнообразные факторы. Среди этих факторов важное значение имеет фактор словообразования. Испанское слово *hermano* «брат» кажется совершенно оторванным от французского слова *frère*, итальянского *fratello*, румынского и молдавского *frate*. Между тем это слово, которое кажется сейчас «оторванным», стоящим изолированно (как и португ. *irmão* «брат»), возникло из определенного словосочетания — *frater germanus* «родной брат». Впоследствии *germanus* (откуда исп. *hermano*, португ. *irmão*) стало употребляться самостоятельно, образовав своеобразную лексическую дифференциацию между иберо-романскими и остальными романскими языками²⁵.

Французское слово *forêt* «лес» кажется сейчас совершенно не связанным с латинским словом *silva* «лес», тогда как первоначально слово это возникло из словосочетания *forestis silva*, т. е. «неогороженный лес». Затем *forestis* подверглось субстантивации, образовав *forêt*. Наряду с сохранившимся в большей части романских языков латинским словом *caseus* «сыр» (рум. и молд. *caș*, исп. *queso*, португ. *queijo*), в Галлии в этом значении стало распространяться словосочетание *caseus formaticus*, буквально: «сыр, сделанный в форме». Затем определение (*formaticus*) от этого словосочетания обособилось и, подвергнувшись субстантивации, стало обозначать «сыр» (первоначально — «сделанный в форме»). Так образовалось во французском и в некоторых других романских языках слово «сыр» (франц. *fromage*, прованс. *formatge*, итал. *formaggio*).

Таким образом, чтобы понять, почему слово «брат» или слово «сыр» в разных романских языках, подолжая латинскую традицию, оказываются все же различными словами, необходимо знать, в какие связи с другими словами вступали эти слова, образуя в большей или меньшей степени устойчивые словосочетания. История многих словосочетаний может объяснить нам и многие лексические расхождения между романскими языками. И это понятно, так как характер словосочетаний в разных, даже родственных языках очень различен. Слова родственных языков, взятые изолированно, очень часто совпадают сами по себе, тогда как их лексические и грамматические взаимоотношения с другими словами в системе данного языка обычно оказываются «индивидуальными» или, во всяком случае, менее общими (общность в этом плане часто объясняется калькированием).

Мы уже знаем, что лексические расхождения между романскими языками объясняются прежде всего исторически. Если в испанском и португальском языках обнаруживается много латинских слов, не сохранившихся в других романских языках, то это в общих чертах определяется тем, что в Испанию и Португалию попала более древняя латынь, чем, например, в Галлию или Дакию. Еще более архаической оказалась латынь в Сардинии. Латинский глагол *pudere* «стыдиться» (*mihi pudet* «мне стыдно») не проник ни в один романский язык, кроме сардского, где он встречается в центральном диалекте логудору. Латинский глагол *pugnare* означал не только «сражаться», но и «стремиться». В этом последнем значении *pugnare* встречался в староиспанском и старопортугальском языках. Но в сардском языке он живет и сейчас (*punnas a intrare* «ты стремишься, ты хочешь войти»). Больше того, на основе этого значения в сардском языке развились новые оттенки смысла данного глагола: «стремиться прибить в определенное место», «часто ходить в определенное место»²⁶.

В дальнейшей истории романских языков слово *pugnare*, и ранее

²⁵ Во французском языке слово *germanus* сохранилось по преимуществу лишь в специальном значении: *cousin germain* «двоюродный брат», но *frère* «родной брат».

²⁶ См. М. Л. Вагнер, *La lingua sarda*, Берн, 1950, стр. 93—94.

бывшее непрочным и малоупотребительным, не сохранялось, тогда как в одном из романских языков, в который оно попало раньше и при других исторических обстоятельствах (Сардиния была романизирована уже в 3 в. до н. э.), слово это не только сохранялось, но даже и дальше развивалось в своих значениях. Слово *pignare*, сейчас стоящее изолированно в сардском языке, некогда имело романские соответствия. Следовательно, и при оценке слов-одиночек, т. е. слов, сохранившихся только в одном романском языке, должна быть строго выдержана историческая точка зрения.

Картина «лексических и семантических сфер» романских языков делается, однако, гораздо более пестрой, как только мы начнем привлекать материалы романских диалектов. Для иллюстрации этого общего положения приведем здесь лишь один пример. В том же очень «небольшом» (по количеству говорящих на этом языке людей) сардском языке, в различных его диалектах имеется четыре слова для обозначения «двери»: *ennicedda* от *enna* «дверь», *frenesta* от *finestra*, *ventana* и *balkone*. Каждое из этих слов имеет соответствующие романские параллели: *enna* может быть сопоставлено с португальским *janella* «дверь», *frenesta* — с французским *fenêtre* «окно», *ventana* — с испанским *ventana* в том же значении, которое в свою очередь ассоциируется с «ветром» (исп. *viento* «ветер»), наконец, *balkone* — слово, известное и другим романским языкам, правда, в другом осмыслении. Таким образом, при привлечении подобного рода диалектального материала, картина романских «лексических сфер» становится еще более сложной. Здесь перекрестные линии оказываются не только более многочисленными, но вместе с тем как бы направленными в разные стороны. При этом становится очевидным, насколько важно при изучении лексики диалектов одного романского языка всесторонне учитывать лексику диалектов всех других романских языков, насколько важно и в этом случае устанавливать основные линии разграничения «лексических сфер» родственных языков.

Есть еще один дополнительный фактор, способствующий известной лексической дифференциации между романскими языками. Мы имеем в виду так называемые «ученые слова» в различных романских языках.

В старофранцузском языке прилагательное *mûr* «зрелый» находилось в строгом словообразовательном соответствии с существительным *mûrison* «зрелость». Впоследствии, к концу средних веков, *mûrison* было вытеснено латинизмом, который первоначально употреблялся в ученых сочинениях — *maturité* (лат. *maturitas* «зрелость»). В результате некогда непосредственно связанные между собой единством корня слова *mûr*-*mûrison* разошлись, образовав как бы «разорванный ряд», уже утративший былую словообразовательную общность: *mûr* — *maturité*. Но в современном итальянском языке эти же самые слова сохраняют единство корня: *maturato* «зрелый» — *maturità* «зрелость». Такая же картина в испанском: *maduro* — *madurez*. Следовательно, вопрос о том, почему во французском языке корневая связь между данным существительным и данным прилагательным не сохранилась, распалась, а в итальянском и испанском языках она удерживается и не нарушается, тесно связан с вопросом о том, как и какими путями проникает то или иное «ученое слово» в тот или иной романский язык. История вытеснения *mûrison* с помощью *maturité* должна объяснить нам и другое — возникновение разрыва в данном словообразовательном ряду, в данном языке, в данную историческую эпоху. Так «ученые слова» могут осложнять словообразовательные связи в одном из родственных языков, подчеркивая тем самым своеобразие словообразовательных и лексических особенностей данного романского языка по сравнению со словообразовательными и лексическими особенностями других романских языков.

5

Имеется еще один очень важный фактор, определяющий особенности «лексических сфер» романских языков. Речь идет о влиянии местных языков на язык-победитель. К сожалению, проблема субстрата в романской лексике, как уже подчеркивалось, все еще совершенно недостаточно изучена. Следует, однако, предостеречь от неправильного стремления некоторых исследователей все расхождения в лексике романских языков объяснять прежде всего субстратом. Так как в процессе скрещивания языков один из языков всегда выходит победителем и так как в процессе скрещивания латинского языка с языками аборигенов на территории будущих романских языков победителем оказался язык латинский, то в истории самого латинского языка прежде всего, как и в истории образовавшихся от него романских языков, нужно искать причины лексических схождений и лексических расхождений между романскими языками.

Разумеется, при изучении различных расхождений между романскими языками в области лексики языки аборигенов могли бы многое объяснить. Но здесь мы встречаемся с объективными трудностями: наше знание целого ряда языков аборигенов на территории, ставшей впоследствии романской, остается все еще очень незначительным. Один из новейших исследователей сардского языка прямо подчеркивает, что «дороманский язык на территории Сардинии был и остается для нас загадкой»²⁷. Конечно, в тех случаях, когда мы можем более тщательно изучить нероманские элементы романской лексики, это необходимо сделать. Так, интересно, например, что такие французские слова, как *grain* «зерно», *farine* «мука», *lait* «молоко», *beurre* «масло» — латинского происхождения, а такие, как старофранцузские *bren* «отруби» или *mesgue* «пахтанье» — галльского происхождения; такие слова, как *champ* «поле», *pré* «луг» — латинского происхождения, а такие, как *raie* «борозда» или *sillon* «черта» — происхождения галльского²⁸. Примеры эти показывают, что слова местного происхождения более цепко держались в специальных названиях, но легче уступали дорогу словам языка-победителя в сфере более общих понятий. Наблюдения подобного рода пока, однако, очень ограничены и не дают возможности сделать более широкие выводы.

Аналогичные проблемы возникают и при изучении слов иностранного происхождения в романских языках. Здесь, правда, исследователю приходится, как правило, иметь дело с языками, гораздо больше известными и лучше изученными, но проблемы, возникающие при этом, имеют много общего с проблемами, которые должен решить исследователь, занимающийся субстратом. В одном случае возникает проблема — в каких лексических сферах удерживаются слова языка побежденного, в другом — в какие лексические сферы проникают слова иностранного происхождения.

Греческое слово *δῆλος* «дядя» стало оттеснять латинское слово того же значения *avunculus*, причем процесс этот проходил с юга на север. Греческое слово, распространившись по Апеннинскому и Пиренейскому полуострову, как бы остановилось перед Галлией, Рецией и Дакией и не проникло дальше на север. Вот почему в современном итальянском языке мы обнаруживаем *zio*, в испанском и португальском *tio*, тогда как французский, провансальский и румынский сохраняют латинское слово *oncle, unchiu*. В этом случае лексическая дифференциация романских языков определялась, с одной стороны, иноземным воздействием, а с другой — сопротив-

²⁷ М. L. W a g n e r, указ. соч., стр. 67.

²⁸ См. W. W a r t b u r g, *Die Entstehung der romanischen Völker*, Галле, 1939, стр. 42—43.

лением этому иноземному воздействию со стороны латинского языкового материала. Там, где это сопротивление оказалось мощным, иноземное воздействие отступило, разбившись о барьер более глубокой традиции. В результате — лексическое различие между разными группами романских языков.

Однако было бы неправильно наиболее типичные случаи лексической дифференциации между романскими языками в области основного словарного фонда сводить прежде всего к всевозможным иностранным воздействиям. Между тем именно так обычно поступают зарубежные лингвисты²⁹. Чужеземные влияния, конечно, имели место в истории развития романской лексики, как и в истории лексики других языков, но не следует преувеличивать значения этих влияний. Исследователь должен все время иметь в виду, что язык — это не сумма разрозненных явлений, возникших из разных случайных источников, а определенная система, обычно вырабатывающаяся на протяжении ряда поколений. Как уже подчеркивалось, в процессе образования романских языков латинский язык, взаимодействуя с языками аборигенов, оказался победителем. Поэтому совершенно понятно, почему именно латинский элемент (язык-победитель) образует такой большой удельный вес в основном словарном фонде романских языков.

Дальнейшая история латинского слова *avunculus* «дядя» в некоторых романских языках очень интересна. Дело в том, что в латинском языке различались понятия «дядя по линии матери» — *avunculus* и «дядя по отцу» — *patruus*, точно так же, как различались понятия «тетка по линии матери» — *matertēra* и «тетка по отцу» — *amita*. Во французском же языке нет такой дифференциации: первой паре слов соответствует только одно слово *oncle* «дядя» (как по матери, так и по отцу), второй паре слов — тоже одно слово *tante* «тетка» (как по матери, так и по отцу). Чтобы объяснить эти утраты, необходимо иметь в виду, что в эпоху Империи юридически различались эти понятия (дядя по линии отца имел иные права, чем дядя по линии матери, и т. д.), тогда как в последующее время юридически эти понятия перестали различаться, что и могло послужить одной из причин, приведшей к потере одного из членов каждой коррелирующей пары слов. В этом случае история слов находится в тесной связи с историей соответствующих понятий.

Под воздействием арабского завоевания Иберского полуострова в испанский и португальский языки проникло немало слов арабского происхождения. По сравнительно новым подсчетам, в испанском языке их свыше тысячи, а в португальском — около 600 слов³⁰. Эти слова характерны для иберо-романских языков, в отличие (за немногими исключениями) от других романских языков. В свою очередь и внутри иберо-романских языков здесь намечаются немалые расхождения: в испанском языке арабских слов не только больше, чем в португальском, но в ряде случаев эти слова совсем другие, нежели арабские слова португальского языка³¹. Следовательно, вопрос о том, в какие лексические сферы проникают иноземные слова, могут ли они частично вытеснить слова основного словарного фонда, какое соотношение в синонимике родного языка они вызывают, обогащая или суживая эту синонимику, — вот далеко не полный перечень вопросов, возникающий при изучении проблемы заимствованных слов в романских языках. Однако в данной статье мы хотели обратить

²⁹ См., например, W. W a r t b u r g, Die Ausgliederung der romanischen Sprachräume, 1950, passim.

³⁰ См. N a s c e n t e s, Dictionário etimológico de Língua portuguesa, Рио-де-Жанейро, 1932, стр. XXV—XXVII.

³¹ См. там же.

внимание на другое: на сходства и расхождения романских языков в сфере слов, относящихся к их основному словарному фонду латинского происхождения.

*

Подведем итоги. Изучение основного словарного фонда родственных языков так же важно и существенно для глубокого понимания родства языков, как изучение грамматического строя. Связи основного словарного фонда родственных языков с историей народов — творцов и носителей этих языков — часто отличаются от тех связей, которые существуют между словарным составом этих языков и жизнью общества. Словарный состав как более подвижный элемент лексики обычно непосредственно отражает изменения в обществе, достижения в науке и технике. Основной же словарный фонд, вырабатывающийся на протяжении многих поколений, оказывается связанным в большинстве случаев не с теми или иными отдельными событиями в жизни общества, а со всей историей общества, со всей историей данного народа, со всей историей данного языка. Если такие слова, как *электричество* и *радио*, *трактор* и *самолет*, возникают в языке под воздействием совершенно определенных открытий и успехов в науке и технике, определенных фактов общественной жизни, то слова типа *земля* и *вода*, *человек* и *животное*, *ходить* и *делать* определяются всей историей жизни народа, всей историей языка. Вот почему, анализируя те или иные слова основного словарного фонда в родственных языках, мы стремились прежде всего определить то место, которое занимают эти слова в целостной системе каждого языка, установить синонимические и словообразовательные связи этих слов с другими словами данного языка. Установив эти связи, легче обнаружить и своеобразие этих общих для родственных языков слов в системе каждого языка. Вместе с тем здесь была сделана попытка показать, что слова основного словарного фонда, при всей их устойчивости, медленно, но неуклонно развиваются. Пути развития этих слов, общих в родственных языках, имеют и точки соприкосновения, и существенные моменты различий и расхождений.

При исследовании основного словарного фонда родственных языков следует самым тщательным образом учитывать как то, что объединяет все родственные языки между собой, так и то, что составляет п е ч и ф и к у отдельных групп этих языков и специфику каждого языка, хотя и входящего в семью родственных языков, но вместе с тем являющегося языком вполне самостоятельным. В этом плане чрезвычайно важно изучить все причины, определяющие сходства и различия внутри основного словарного фонда романских языков. Глубоко ошибочна та точка зрения, которая всякие различия между романскими языками объясняет только субстратом и только внешними влияниями на тот или иной язык, не видя тех внутренних глубинных сил, которые определяют эти сходства и эти различия. Если сходства в основном словарном фонде романских языков определяются прежде всего единством происхождения этих языков из одного языка-основы, то различные расхождения внутри основного словарного фонда романских языков вызываются многообразными причинами. Здесь были указаны:

- 1) различия исторических путей формирования слов в связи со своеобразием условий жизни того или иного народа — творца и носителя данного языка (*paganus*, *pagano*, *païen*; *ligare*, *legare*, *lega*, *legana* и др.);
- 2) различия, связанные со спецификой словообразовательной системы каждого языка и местом, которое занимало или занимает анализируемое слово в словообразовательной системе языка в отличие от словообразо-

вательной системы других родственных языков (*frère, hermano; fromage, queso* и др.); 3) различия, определяемые тем, в какую позицию вступает слово в синонимическом ряду языка, в каком взаимодействии оно находится с другими словами языка в отличие от тех условий и тех синонимических рядов, в которые попадает слово в других родственных языках (*fuoco, fuego, foc, feu; testa, tête, cabeza, chef; femme, mujer* и др.); 4) различия, образованные неодинаковыми взаимоотношениями в разных родственных языках между литературной лексикой и лексикой местных диалектов, между словами народного и так называемого «ученого» происхождения (*ennicedda, frenestra, ventana, balkone, murison, maturité* и др.); 5) различия, вызванные иноземным языковым воздействием и характером сопротивления этому иноземному воздействию со стороны местного языка. Разная сила иноземного языкового воздействия и разная сила встречного сопротивления приводят иногда к некоторым различиям в основном словарном фонде родственных языков (*oncle, zio, tio; bren, mesgue* и др.).

Следовательно, своеобразие исторических и лингвистических путей развития каждого языка предопределяет и своеобразие его основного словарного фонда. С этой точки зрения всевозможные и разнотипные иноземные воздействия, очень важные сами по себе, отодвигаются, однако, на второй план, когда рассматриваются основные причины сходства и основные причины расхождений внутри языков, образующих единую группу родственных языков. Иностранные воздействия не могли превратить романскую лексику любого романского языка в лексику в своей основе нероманскую, хотя они и могли существенно повлиять на нее. Вот почему при изучении сходств и расхождений внутри основного словарного фонда романских языков первостепенное значение приобретает изучение тех движущих сил в развитии этого фонда, которые определили, с одной стороны, его общероманский характер, а с другой — придали лексике каждого романского языка своеобразие, в свою очередь предопределенное романским характером каждого романского языка. Не только сходства, но и расхождения внутри романских языков зависят прежде всего от характера этих языков как языков романских. Только исследовав эти условия развития языков в первую очередь, лингвист может обратиться и к остальным вспомогательным факторам, влиявшим на сходства и различия между родственными языками.

Отмечая иностранные влияния на русский язык, И. В. Сталин пишет: «Что касается национальной самобытности русского языка, то она не испытала ни малейшего ущерба, ибо, сохранив свой грамматический строй и основной словарный фонд, русский язык продолжал продвигаться вперед и совершенствоваться по внутренним законам своего развития»³².

³² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.